

АЛЕКСАНДР
САНФИРОВ

ШЕФ-ПОВАР

ШЕФ-ПОВАР
АЛЕКСАНДР КРАСОВСКИЙ

Книги 1–3

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С18

Серия «БФ-коллекция»

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Санфиоров, Александр Юрьевич

С18 Шеф-повар: Шеф-повар Александр Красовский: Книги
1 — 3 / Александр Санфиоров. — Москва: Издательство АСТ; Из-
дательский дом «Ленинград», 2026. — 800 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-182124-1

Вначале Александр Красовский стал врачом и в целом прожил неплохую жизнь, получив от нее все что возможно.

Но судьба преподнесла ему сюрприз в виде второй жизни. И тогда он рискнул заняться тем, что в предыдущей жизни было всего лишь хобби. В результате он добьется мирового признания своего кулинарного таланта.

Но человек не властен над превратностями судьбы, и получив в подарок еще и третью жизнь, пришлось озаботиться не только своим успехом, но и жизнью своей Родины. И у него получится, пусть не в полной мере, но повлиять на будущее России.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-182124-1

© Александр Санфиоров, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ШЕФ-ПОВАР
АЛЕКСАНДР КРАСОВСКИЙ

Книга 1

Операция

— Ну, что, готов? — наклонившись ко мне, спросил Вовка Шорников. Несмотря на улыбку, в лице пожилого, опытного хирурга, моего однокурсника и коллеги, проскакивали неуверенность и беспокойство.

— Как юный пионер, — ответил я, улыбнувшись в ответ.

— Тогда мы с бригадой моемся, — сказал Вовка и, повернувшись к медсестре, добавил: — Зина, больному сделать премедиацию, и через двадцать минут везите в операционную.

— Хорошо, Владимир Андреевич, — ответила девушка.

Очередной укол я почти не заметил.

Когда каталку привезли в операционную, мне уже было хорошо. Боль, терзавшая тело последние полгода, ушла и затаилась где-то в желудке.

Как ставили капельницу, я уже не чувствовал и провалился в глубокий сон.

Первое, что ощутил, просыпаясь, это запах карболки.

«Странно, с чего бы это в реанимации карболкой полы начали мыть?» — мелькнула мысль. Но она тут же исчезла, сметенная небывалым ощущением здоровья. У меня ничего не болело. Ну, просто вообще ничего. Даже ожидаемая дыхательная трубка в горле отсутствовала.

Ехидный разум отреагировал на это шутивно.

— Так, может, ты умер, поэтому ничего не болит? — спросил я сам себя и открыл глаза.

Взгляд, естественно, уперся в белый потолок. Повернув голову, я обнаружил, что гляжу в раскрытое настееж окно, в которое задувает легкий ветерок. А за окном шелестели ярко-зелеными

листьями березы, блестя белыми, покрашенными на метр от земли стволами.

— Весна! Какая к черту весна? — панические мысли бились в голове. — Неужели с января я находился в коме после наркоза?

На скрип двери голова рефлекторно повернулась в ту сторону и обнаружила нескладную фигуру в военной форме. В первую секунду фигура мне показалась чем-то знакомой. Но затем я замер в изумлении.

«Это же невозможно! Грязев, армия!»

А военный призрак из прошлого вдруг заговорил:

— Санек, ты как? Живой? Ну, ты дал, мля! Мы тебя, мля, на дембель провожали. Боцман чемодан нес, а ты у КПП раз и упал, мля.

Под бубнеж Сережки Грязева, товарища по службе в армии, я уселся в кровати и начал осматриваться.

Хоть прошло пятьдесят лет с армейских времен, и голова плохо соображала, до меня сразу дошло, что нахожусь в медсанчасти при штабе полка, и сейчас на дворе должен быть май 1972 года.

Снова скрипнула дверь, и в палату зашел лейтенант медик.

— Ну, что, сержант, допился до эпилепсии, дембеля ожидая, — с ухмылкой спросил он.

Несмотря на кавардак в голове, я смог собраться и спокойно ответил:

— Не понимаю, о чем вы, товарищ лейтенант, спиртных напитков не употреблял.

Лейтенант задумчиво поглядел на Сережку Грязева и жестом приказал ему убраться из палаты. После того, как тот вышел, лейтенант продолжил:

— Понимаешь, парень, по всему, что я наблюдал, у тебя имел место приступ эпилепсии. Разумного объяснения, кроме травмы и алкоголя, у меня нет. Сам-то что можешь сказать по этому поводу?

Мысленно я усмехнулся.

«Самое время рассказать, что я из будущего с приветом при-был, из-за этого и судорожный синдром развился».

— Ничего не могу сказать, товарищ лейтенант, разве что вчера на крыше гаража целый день загорал, может, перегрелся?

— Хм, — задумался офицер. — Возможно, и так. Вы ведь меры ни в чем не знаете. Дорвался до бесплатного. Ладно, давай я тебя

гляну, если все нормально, езжай домой, ты мне тут на хрен не сядешь. Ты нынче свободный, как ветер, гражданский кадр.

Измерив давление и пару раз ткнув в грудь для вида фонендоскопом, лейтенант скомандовал:

— Вставай, одевайся и выметайся из части. С вином будь осторожней на всякий случай.

Когда я оделся и вышел на улицу, там меня дожидались несколько сослуживцев.

Они, столпившись вокруг, забросали вопросами, в основном, как я себя чувствую и поеду ли сегодня домой.

К своему стыду, большинство парней я не помнил, голова гудела от мыслей. Не особо соображая, ответил на вопросы и, подхватив дембельский чемодан, подался в сторону КПП. До выхода из части меня несколько человек все же проводили, там я пообещал писать, как устроюсь на гражданке, и, обнявшись с провожающими на прощание, пошлепал по дороге в сторону шоссе Ленинград–Мурманск, до которого было всего ничего, полтора километра.

Механически передвигая ногами, я пытался понять, что происходит. То ли мне это все кажется, и я нахожусь в 2020 году после операции в своего рода онейроидном сне шизофреника, или никакого сна нет, я просто закончил службу в 1972 году, а будущее просто пригрезилось, пока меня рядом с КПП судорогами мотало.

Выйдя на шоссе, я, как когда-то, потопал в сторону заправки. Тогда я уехал в Ленинград, где неделю болтался со школьным другом по барам и лишь потом отправился домой. А что делать сейчас, пока не представлял.

Усевшись на скамейку у будки заправщицы, подставил лицо весеннему майскому солнцу и начал думать, как жить дальше.

Еще буквально полтора часа назад, по моим ощущениям, я надеялся остаться в живых после сложной операции. И пожить хотя бы еще пару лет. Завершить, так сказать, седьмой десяток. Видимо, там я его так и не завершил, иначе с чего мне попадать сюда в свое прошлое. Хотя кто его знает, может, я и там живее всех живых. А здесь мне только две недели назад исполнился двадцать один год, впереди лежала жизнь, которую хотелось бы прожить по-новому. Черт его знает, почему так получилось? Но раз получилось, надо жить и радоваться жизни и никак иначе.

— А не поеду я к Вовке в Питер, не тянет что-то по барам шляться. Поеду лучше я к Люде Струниной, тем более она два года мне писала, что верность хранит, как стопочка. В тот раз я предпочел учебу семейной жизни, а в этот раз начну с нее. Может, в этот раз получится удачней. Только бы тот, кто устроил мне такое переселение, не отыграл все назад.

Я решительно встал и перешел на другую сторону дороги.

Дорога

Ожидание попутки долго не продлилось, через пятнадцать минут рядом с бревном, на котором я сидел, остановился грузовик.

— Эй, земля! — крикнул в открытое окно водитель. — Далеко собрался?

— Да не очень, до Вытегры не довезешь?

— Не, не довезу, — с сожалением в голосе ответил он. — Я до Лодейки еду, поедешь?

— Конечно, — кивнул я. — В Лодейном Поле наверняка найду, с кем дальше ехать.

— Садись давай. Время, как говорится, деньги, — сообщил водитель, окая, как все коренные вологжане.

Я поставил чемодан себе в ноги и уселся на продавленное сиденье.

Машина взревела прогоревшим глушителем и тронулась с места.

На беду водитель попался разговорчивый, поэтому, вместо того чтобы обдумывать будущие шаги, пришлось заняться беседой об армейской службе. Сам Серега Федоров, как представился водитель, дембельнулся два года назад и был готов говорить об армии сколько угодно.

Тем не менее он успел поинтересоваться, зачем я еду в Вытегру, если живу в Петрозаводске. И очень удивился, что я собрался в гости к девушке,

— Ну, ты, блин, даешь, парень! Девоч миллион вокруг, а ты на кудыкину гору едешь. Два года не шутка, чего она там делала, кто ее знает. Бабы, они знаешь какие коварные, поверь моему опыту.

Я слушал безобидный треп парня и мысленно улыбался.

«Ты, дурачок, ее просто не знаешь. Хотя я сам был такой же идиот, когда не поехал к ней, не стал писать и боязливо ждал её писем, но так и не дождался. И зачем? Чтобы оставшуюся жизнь попрекать себя? Нет, я поеду и попытаюсь понять, было ли это моей ошибкой. Тем более судьба незаслуженно подарила мне второй шанс».

В Лодейное Поле мы приехали в девять вечера. Поглядев на пустынные улицы поселка, Федоров предложил:

— Зёма, давай ты у нас переночуешь, а завтра к своей ненаглядной красе рванешь?

Естественно, я согласился и вскоре ужинал в компании семьи Федоровых.

Анна Ивановна, мама Сергея, встретила меня не очень ласково, но после того, как сын ей сообщил, откуда и зачем я еду в Вытегру, сразу стала приветливой и начала собирать на стол. Ее муж, пользуясь моментом, выклянчил у нее маленькую.

— Ты что, мать, такое дело надо отметить, не каждый день парни женихаться едут. А ты, Сережка, бери пример с него, — обратился он к сыну. — Двадцать пять лет скоро, а в голове ветер гуляет. Только по танцулькам бегаешь да девок по кустам мнешь.

Сережка на родительские попреки особо внимания не обращал, а продолжал меня наставлять, сообщив, что самая сейчас выгодная профессия стать водителем. Его отец от него не отставал, подкакивая сыну в его речах. Сеанс наставлений закончился, только когда меня отправили спать в мансарду.

Как ни странно, заснул я практически сразу. Даже снов не видел. Уж больно много событий прошло в этот трудный день. Утром уже было не до разговоров, все спешили на работу, Позавтракав, я хотел сунуть три рубля Анне Ивановне, но деньги были с ужасом отвергнуты.

— Саша, как тебе не стыдно! Люди-то что скажут, что я с солдата деньги брала. Убери и больше предлагай. Езжай в свою Вытегру, желаю, чтобы у тебя с девочкой все сладилось.

Через полчаса я уже стоял на автобусной остановке и поднимал руку всем попутным машинам. Но до Вытегры сразу добратся не удалось. Новый молоковоз, сверкая свежевыкрашенными боками, довез меня до старинного вепсского села Ошта. Водитель на этот раз попался неразговорчивый. Большую часть времени он курил да иногда усмехался неизвестно чему в пышные черные усы. Высадил он меня прямо на остановке.

Посмотрев на расписание автобуса, я отправился в столовую и только там почувствовал, насколько голоден. Съев два первых блюда и два вторых, выпив пару компотов, я отправился ловить попутку. До Вытегры было, собственно, рукой подать, а вот машин в ту сторону так ни одной и не проехало.

Пришлось торчать на улице до момента, когда вечером к остановке подкатил рейсовый автобус Петрозаводск–Вытегра. С вздохом облегчения я забрался внутрь, купил билет у водителя и развалился на свободном сиденье. Пассажиров в автобусе практически не было, лишь несколько женщин, подсев ближе друг к другу, обсуждали какие-то проблемы, изредка поглядывая на меня.

Чем ближе мы подъезжали к городу, тем сильнее меня охватывало нервное напряжение.

«Перестань, — говорил я сам себе. — Успокойся, представь, что не было прошедших пятидесяти лет. Ты же еще несколько дней назад писал девушке письмо, обещал приехать. Успокойся, мать твою! Ты в этой жизни еще не нарушил своих обещаний. Делай, что должен, и будь, что будет».

Видимо, мои гримасы привлекли внимание, потому что одна из пассажирок подошла ко мне и спросила:

— Солдатик, с тобой все в порядке? Или болит что?

Я мотнул головой и улыбнулся.

— Нет, все нормально, просто устал.

Женщина, лет сорока, не успокаивалась.

— А ты чей будешь, паренек? Что-то личность твоя незнакома? — снова спросила она.

— Я из армии возвращаюсь, а в Вытегру в гости еду, — ответил я, явно напрашиваясь на следующий вопрос. И он сразу последовал.

— А к кому, если не секрет? — любопытствовала собеседница, а соседки сразу наострили уши.

— К Струниной Людмиле.

Женщина уселась вновь поближе к своим товаркам, и они начали вспоминать, кто такие Струнины и где живут. Обо мне они на время позабыли.

— Ой, да это же он к фершалице едет, к Людмиле, — неожиданно воскликнула одна из бабок. — Та на скорой помощи работает.

Женская болтовня меня слегка отвлекла, и на душе стало немного спокойней.

У небольшого деревянного здания автобусной станции автобус остановился, а когда я вышел из него, попутчицы хором принялись объяснять, куда мне надо идти.

Добираться пришлось совсем недалеко, и вот он, деревянный одноэтажный дом, в который я мысленно входил тысячу раз, но так и не вошел в прошлой жизни.

Я долго стоял у калитки, не решаясь зайти, но все же взял себя в руки и сделал первый шаг.

«Чего ты боишься, она же девчонка, ей всего двадцать один год, — успокаивал я сам себя. — У тебя таких девчонок было легион. Неужели не найдешь, что сказать?»

Тем не менее, я робко постучал в крашенную коричневой эмалью дверь.

Потом постучал еще раз. В коридоре послышались легкие шаги. Дверь открылась, и в проеме показалось заспанное лицо моей девушки.

— Саша, милый, ты приехал! — выдохнула она и, раскинув руки, кинулась мне в объятья.

Вмиг все умные мысли вылетели из головы, и мы принялись целоваться тут же на крыльце.

Первой пришла в себя Люда.

— Саша, пожалуйста, хватит, проходи скорей в дом. Боже! Как я рада, что ты приехал. Я даже не надеялась, что ты так быстро ко мне соберешься, — тараторила она, заводя меня в дом. — А я сегодня с ночи, дежурство тяжелое было, поэтому рано спать легла.

Из коридора мы прошли на кухню, Люда включила свет, и я начал разглядывать небогатую обстановку.

— Ты, что ли, одна дома? — спросил я, удивляясь, что не слышу больше никого.

— Да, родители уехали на выходные в Вознесенье, а брат уже полгода живет у жены. Ой! Ты, наверно, голодный, сейчас я макароны разогрею.

— Не надо макарон, — хриплым от волнения голосом сказал я. — Лучше покажи, где твоя комната?

Не дожидаясь ответа, легко поднял девушку на руки и понес ее в первую попавшуюся дверь.

Вытегра

Мы лежали вдвоем на узкой скрипучей кровати, Люда, повернувшись ко мне, водила пальцем по моей, пока еще безволосой, груди. Простыня была уже застирана и кинута в бак с замоченным бельем.

— Саша, признайся честно, я у тебя не первая? — неожиданно спросила девушка.

«Понятно, откуда ветер дует, перестарался», — подумал я и без тени сомнения заявил:

— В этой жизни ты моя единственная и неповторимая женщина.

После чего чмокнул ее в макушку.

— Понимаешь, Саша, я просто тебя не узнаю, за эти два года ты так изменился, даже говоришь по-другому. Ты такой стеснительный был. Помнишь, тогда, перед армией, в общежитии, ты меня почти уговорил, а потом сам испугался. А сегодня так уверен в себе. Я думаю, у тебя кто-то появился, пока служил в Новой Ладого, — всхлипнув, сообщила Люда.

«Да уж, чего-чего, а глаза у нее вечно на мокром месте», — сочувственно подумал я. И начал заверять, что все два года вел аскетический образ жизни, что, в общем, соответствовало действительности, сопровождая слова поцелуями.

Чтобы это было убедительней, пустил в ход руки. Вскоре Люда тяжело задыхалась, и мгновение спустя раздался тихий стон.

Через несколько минут она уже заснула. У меня же сна не было ни в одном глазу.

Я думал о будущем.

А о нем, действительно, стоило подумать. Снова становиться врачом не было никакого желания. Тем более не было желания изменять что-либо в будущем, кроме своей жизни. Пусть все идет своим чередом. Горбачев, Ельцин, Путин, мне дела до них нет, надо думать о себе и своих родных. Людка будет моей женой, это без сомнений. Девушка, дождавшаяся парня из армии, даже в это время большая редкость. Жаль, что в той жизни я этого так и не узнал.

«Так, в Вытегре мы, конечно, не останемся, надо перебираться в Петрозаводск, а со временем, возможно, и в Питер».

Время близилось к четырем утра, а я все не мог заснуть. С Беломоро-Балтийского канала периодически доносились гудки те-

плоходов, проходивших шлюз. Люда мирно сопела в подушку, закинув руку мне на грудь. Как будто век так спала.

«Странно все это, — подумал я. — Моему нынешнему сознанию семьдесят лет. Дряхлый старик, с точки зрения молодежи. А я ведь и в своем старом теле стариком себя не ощущал, а сейчас и тем более. Вот только размышляю и планирую по-взрослому. Эх, жаль, что никогда не обращал внимания на сообщения в газетах о найденных кладах. Сейчас бы очень кстати пришлось. Ладно, чего мечтать о несбыточном, давай мыслить ближе к реальности».

В семь часов я осторожно убрал с себя руку девушки, а заодно и ногу, которую она по-хозяйски успела закинуть на меня. Немало подивившись такому быстрому привыканию, отправился на кухню.

Там было прохладно. Поежившись, я затопил печку и начал готовить завтрак.

Вскоре на сковородке скворчала нарезанная ломтиками докторская колбаса, увы, кроме нее, молока, масла и яиц в холодильнике «Саратов» ничего больше не нашлось. Залив колбасу взбитыми с молоком яйцами и выключив электрочайник, я отправился будить Люду.

— Любимая, вставай, завтрак на столе, — шепнул я ей в ухо.

Девушка открыла глаза и испуганно ойкнула, закрывая грудь одеялом.

— Я что, так всю ночь спала, без сорочки? — спросила она, укрывшись почти с головой. — Боже, какая я бесстыжая!

— Ну, почему же бесстыжая? Совсем нет, очень даже стеснительная, — сообщил я, бесцеремонно забираясь к ней под одеяло.

— Ой! Ты такой холодный! — взвизгнула Люда, тем не менее прижимаясь крепче ко мне.

Впрочем, долго мы не залеживались, еда могла остыть.

Зато после завтрака мы вновь отправились в койку. У Люды завтра было дневное дежурство, поэтому сегодняшний день следовало использовать с толком.

В первом часу все же пришлось вылезти из кровати. Есть хотелось не по-детски.

— Так, ну, и что у вас тут из продуктов имеется? — деловито потирая руки, бодро спросил я.

Люда, сидя на табуретке в тщательно застегнутом халатике и заплетая русую косу, засмушалась.